
в Византии: «все действо ихъ состоитъ... в супротивлении соборной и апостольской церкви», «во всемъ противныхъ и чуждыхъ древнему благочестию», «противными разуму Божию и Апостольскому преданию» (С. 49).

На с. 82 со ссылкой на работу Н. М. Герасимовой указывается, что, согласно библейской традиции, «собаки являются символом плохого», оттого-то и возникает сравнение с ними никониан⁴. Однако известно, что собака в Библии — это одно из главных ритуально нечистых животных, поэтому с собаками обычно сравниваются не столько плохие люди вообще, сколько грешники, язычники и вероотступники. Отсюда, безусловно, привлекаемое О. А. Туфановой сравнение чрезвычайно значимо, но его следует рассматривать именно в контексте противодействия еретикам, к числу которых Аввакум относил и последователей Никона.

Итак, исследование О. А. Туфановой, несмотря на высказанные нами незначительные замечания, представляется нам весьма интересным, опирающимся на большой иллюстративный материал. В исследовании вполне убедительно доказано, что специфика трагического у Аввакума включает в себя драматическое, героическое, возвышенное, ужасное, в тесном переплетении с обличительным пафосом.

⁴ Герасимова Н. М. Поэтика «Жития протопопа Аввакума». СПб., 1993. С. 28.

Р. Павлова

ИЗДАНИЕ БЕРЛИНСКОГО СБОРНИКА

(Хайнц Миклас, Лора Тасева, Мария Йовчева. Берлински сборник. Heinz Miklas, Lora Taseva, Marija Jovčeva. Berlinski Sbornik. София—Wien, 2006.)

В 2006 г. вышло ценное издание Болгарской и Австрийской академий наук «Берлински сборник». Книга подготовлена известными палеославистами Х. Микласом (Вена), Л. Тасевой (София), М. Йовчевой (София) и содержит текст среднеболгарского письменного памятника начала XIV в. (конца XIII — начала XIV в.?). В издании представлена не только пергаменная рукопись, хранящаяся в Берлинской Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz шифр Ms slav. Wuk 48 и известная в науке как Берлинский сборник, но и фрагмент (три листа), хранящийся в Санкт-Петербурге, в Российской Национальной библиотеке шифр Q.n.I.15 и составляющий часть рукописи Wuk 48. Авторы поставили себе задачу представить Берлинский сборник как письменный памятник, а не только как рукопись, и это объясняет тот факт, что утраченный текст сборника дополнен по рукописи XVI в. РНБ. Гильф. № 42. Отдельные дополнения сделаны и по Мелецкому сборнику XVI в., хранящемуся в Центральной Научной библиотеке Национальной Академии наук в Киеве, и по рукописи XV в. ГИМ. Син. № 531 и по рукописи XVI в. РГБ. Ф. 113. № 541. Таким образом, публикация дает возможность читателям познакомиться с полным текстом сборника, который, по мнению издателей, включал около 240 листов (в рукописи Wuk 48 сохранилось 138 листов). В результате исследовательской работы в вводной части делается справедливое заключение, что Берлинский сборник был изготовлен на западноболгарско-македонской территории¹.

¹ С рукописью в Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz Wuk 48 я работала лично. По моим впечатлениям, рукопись была написана в конце XIII — начале XIV в.

Издание Берлинского сборника 2006 г. фактически является второй книгой, так как в 1988 г. вышло факсимильное издание Ms slav. Wuk 48 с дополнениями из других рукописей: *Berlinski Sbornik. Vollständige Studienausgabe im Originalformat von Ms (slav.) Wuk 48 aus dem Besitz der Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz. Berlin und von Ms. O. p. der Staatlichen öffentlichen Bibliothek "M. E. Saltikov-Ščedrin. Leningrad. Eingeleitet und herausgegeben mit Ergänzungen aus weiteren Quellen von Heinz Miklas mit einem Anhang von Vjačeslav M. Zagrebin. Akademische Druck- u. Verlagsanstalt Graz. Austria, 1988.* Таким образом, наука располагает факсимильным и наборным текстом сборника.

Памятник, по точному определению издателей, имеет «разнородный состав», который хорошо представляет жанровое многообразие средневековой литературы. В нем можно найти канонические, неканонические и апокрифические тексты, монашеские правила, слова, поучения, похвалы, вопросы и ответы. В сборник включены переводные и оригинальные сочинения древнейшего периода болгарской письменности, такие как слова Петра Черноризца и пресвитера Иеремии, а также анонимная переработка Сказания о письменах Черноризца Храбра с добавленным азбучным акростихом. Одновременно с этим в его состав вошли переводные тексты разного происхождения и разной предыстории.

Книга «Берлински сборник» 2006 г. содержит предисловие (С. 7–8), Введение (С. 9–12), в котором коротко представлены памятник, принципы передачи текста и критический аппарат. Далее следует издание: *Explanatio signorum*, (С. 14–29) и текст (С. 29–369). В конце книги находим статью М. Йовчевой и Л. Тасевой о языке Берлинского сборника (С. 379–427). В исследовательскую часть не вошли сведения об открытии и истории рукописи Ms slav. Wuk 48, а также ее кодикологическое и палеографическое описание, так как они имеются в факсимильном издании Берлинского сборника 1988 г. Фактически, исследовательская часть издания 2006 г. связана главным образом с анализом языка этого важного для истории болгарской письменной культуры памятника. Раздел «Язык Берлинского сборника» содержит следующие разделы: I. Введение, II. Фонетика, III. Морфология, IV. Синтаксис, V. Лексика, VI. Заключение.

В вводной части статьи о языке (С. 379–380) делается краткий обзор научной литературы по теме (работы В. Ягича, А. Яцимирского, Б. Цонева, К. Куева, Е. Георгиева, Х. Микласа). Состав сборника, как уже было подчеркнуто, разнородный по характеру, по месту и времени появления составляющих его частей. Это предполагает то обстоятельство, что при языковом исследовании нужно учитывать историю отдельных текстов до их внесения в Берлинский сборник. Но авторы правильно оговаривают, что часто эти вопросы недостаточно выяснены. Из этого проистекает трудность последовательного одинакового подхода и глубины при анализе всех составляющих сборник частей и языковых пластов в них. В разделе «Фонетика» (С. 381–394) описаны: 1) картина употребления еров в сильной и слабой позициях, 2) состояние носовых, 3) замена носовых, 4) передача *ы* через *и*, 5) удваивание *а*, *и*, 6) сочетания *рь*, *ль*, 7) йотация гласных, 8) сочетания *жа-жоу*, *ча-чю* (редко *чоу*), *ша-шоу*, 9) L-ерент., 10) гласные после палатальных *р'*, *л'*, *н'*, 11) твердое "с" вместо палатального "с", 12) аффриката "дз", 13) ассимиляция после утраты слабых еров, 14) передача *в* через *оу*, 15) написания при передаче греческих слов, как, например, колебания между *п* и *ф* в заимствованных из греческого словах; передача греческого *θ* через *Ѡ* или *ѡ*. Вывод авторов, что передача *θ* через *ѡ* является «фонетическим» русизмом, неточный, так как явление представлено еще в древнеболгарском Зографском евангелии и в других средневековых болгарских письменных текстах, история которых не связана с их бытованием в русской среде. В древнерусской письменности существует традиция написания *п* (и *ф*) в заимствованных греческих словах, а также *ѡ* (и *Ѡ*) тоже в греческих заимствованиях, но это не результат «русской фонетики», а графико-орфографическая особенность, проникшая книжным путем в древнерусскую письменность.

В разделе «Морфология» (С. 394–404) анализируются имена.

1. Относительно существительных представлено состояние типов склонения, сужение непродуктивных типов, имеющееся еще в древнеболгарских памятниках, установление общих падежных окончаний, наличие типичного для среднеболгарского периода окончания *охъ* и др.

2. При анализе прилагательных дается интересный материал о начавшемся еще в древнеболгарском языке воздействии местоименного склонения на склонение прилагательных и причастий; случаи замены мягкого склонения твердым, отмирание категории неизменяемых прилагательных.

3. Новыми примерами употребления удвоенных форм указательных местоимений, наличия притяжательного местоимения *egovъ*, вопросительного *koi* заполнена часть о местоимениях.

4. Инновационные явления в согласовании числительных с существительными или отсутствие согласования рассмотрены на с. 399–400.

После имен проанализированы некоторые вопросы, связанные с глаголом: сокращение некоторых личных окончаний в наст. вр., например *тъ* в 3 л. ед. и мн. ч., еровая эпентеза в атематическом глаголе *быти*, форма *есѣ* в 3 л. мн. ч. того же глагола, образование имперфекта от основы настоящего времени (2 случая), 1-й случай замены имперфектного окончания аористным или замена аористного имперфектным окончанием в 3 л. мн. ч. Авторы подчеркивают, что данные языка показывают расширенное употребление описательного (сложного) будущего времени с глаголом *быти* или страдательных конструкций с ним. Будущее сложное с глаголом *имѣти* представлено слабо (только 4 случая).

Внимание М. Йовчевой и Л. Тасевой в разделе «Синтаксис» (С. 404–410) сосредоточено на примерах, показывающих изменения в падежной системе: расширение семантического объема именительного, винительного и дательного падежей за счет функций других падежей, стремление ограничения вариативности, выражающееся в генерализации одного падежа для обозначения определенного синтаксического значения, обобщенная семантика винительного падежа как падежа прямого дополнения и ряд других случаев, указывающих на утрату падежей в живом языке. Это видно и в других проявлениях анализа — отсутствие согласования по роду и числу относительных местоимений, употребление постпозитивных указательных местоимений, употребление *да*-конструкций и других балканизмов.

Фонетические и грамматические разделы исследования предоставляют палеославистике новый языковой материал, показывают связь текстов Берлинского сборника с древнеболгарской языковой системой, содержат характеристику архаизмов и инноваций и их наличие в других болгарских письменных памятниках, что особенно ценно. Большое значение имеют территориальные определения некоторых языковых особенностей. Фонетические и грамматические наблюдения удачно дополнены разделом «Лексика» (С. 410–423). В нем исследователи сосредотачивают свое внимание на двух аспектах: рассмотреть словный фонд рукописи Ms slav. Wuk 48 как источник среднеболгарской лексикологии и лексикографии и, с другой стороны, как свидетельство происхождения истории некоторых из содержащихся в нем оригинальных и переводных сочинений. Л. Тасева и М. Йовчева анализируют часть редких лексем, изолированных по отношению к текстовой традиции соответствующего сочинения, словоупотребления, не отмеченные в лексикографических источниках, слова, указывающие на восточноболгарское (преславское) происхождение некоторых текстов Берлинского сборника и отношение более поздних книжников к этим словам. Раздел «Лексика» изобилует богатым материалом, дополняющим представления исследователей об истории лексики средневековой болгарской письменности.

На основе языкового исследования Берлинского сборника Л. Тасева и М. Йовчева делают справедливое заключение, что языковые факты, имеющие локализирующее значение, связаны с теми фонетическими особенностями, которые, с одной стороны, представлены сравнительно последовательно во всем кодексе и, с другой стороны, типичны для определенной диалектной области. Что касается происхождения текстов, исследовательницы обобщают, что несомненное раннее преславское происхождение имеют тексты: Слово Петра Черноризца о посте, Сказание о злонравных женах, Псевдо-Методиево Откровение, Слово о земных наслаждениях. Сходство в «лексикальном отношении с сочинениями Преслава показывают и Правила Феодора Студита, рассказы о Данииле, об императоре Маврикии с включенным в него текстом о музыканте Филимоне». Авторы делают осторожное заключение о времени составления памятника. Мне кажется, что можно было бы увереннее думать,

что как кодекс-сборник возник в XIII в. Об этом говорят не только языковой анализ, палеографические особенности рукописи Ms slav. Wuk 48 и ее состав, но и культурно-исторические соображения. В XIII в., после освобождения Болгарии от византийского ига в 1186 г., идет активное возрождение болгарской книжной традиции времен Бориса I, Симеона, Петра, Самуила, составление новых компиляций, возникновение тырновского агиографического, гимнографического и летописного циклов, появление сборников разнородного состава и т. д. Для болгарского XIII в. характерно и еще одно явление православной книжности — использование болгарских текстов, бытовавших в других православных славянских письменностях, и прежде всего в восточнославянской. В этом свете интересны заключения Л. Тасевой и М. Йовчевой, что канонические тексты в составе Берлинского сборника, а также большинство учительных чтений, таких как Слово о злонравных женах, Слово о силе Иосифа, рассказы о Данииле, о музыканте Филимоне, бытовали не только в болгарской, но и в восточнославянской среде.

Авторы правильно подчеркивают, что разнообразные в жанровом и тематическом отношении произведения, включенные в Берлинский сборник, отличаются специфическими фонетическими и грамматическими особенностями. Это требует самостоятельного исследования не только всей рукописи, но и отдельных текстов, что даст возможность проследить судьбу отдельных сочинений до их включения в Берлинский сборник. Издание этого важного для истории болгарской и вообще славянской православной письменной культуры памятника предоставляет ученым возможность осуществить такие и не только такие научные исследования и заключения.